

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ МИКРОПОЛЯ “ЖЕНА – ЖЕНЩИНА” В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (XI–XIX ВВ.)

У статті досліджено етнокультурні особливості мікрополя “жена – жєницина” в мовній картині світу східних слов’ян. На матеріалі “Повісті минулих літ” і словників XI–XIX ст. здійснено характеристику компонентів мікрополя на етнокультурно-історичному зрізі.

Ключові слова: мікрополе, етнокультурний компонент, мовна картина світу.

В статье исследованы этнокультурные особенности микрополя “жена – жєницина” в языковой картине мира восточных славян. На материале “Повести временных лет” и словарей XI–XIX вв. осуществлена характеристика компонентов микрополя на этнокультурно-историческом срезе.

Ключевые слова: микрополе, этнокультурный компонент, языковая картина мира.

The article highlights ethnocultural peculiarities of the semantic microfield “жена – жєницина”/ “wife – woman” in the linguistic word-image of the East Slavs. The components of the microfield in question are studied on the material of “The Tale of Bygone Years” and the dictionaries of the 11th – 19th centuries.

Keywords: microfield, ethnocultural component, linguistic word-image.

Изучая историю языкознания, нельзя не заметить, что к концу XX века появилась новая перспектива, которая, по всей видимости, будет определять главный стратегический вектор развития лингвистики и в ближайшие десятилетия. Главным признаком науки о языке будет перманентная тенденция к слиянию с другими, как смежными формами знаний, так и с весьма отдаленными от языка научными реалиями. Сближение с культурологией, психологией, философией и иными научными дисциплинами создало благодатную почву для новых изысканий и пересмотра уже сложившихся теорий.

Проблема языка и языковой картины мира как сфера научного знания во многом была решена в 70–90-е гг. XX века, и к началу XXI века это направление гуманитарной науки несколько потеряло свою актуальность. В фокусе лингвистических изысканий оказались концептология, ментальная лингвистика, лингвокультурология, коммуникативная лингвистика, нарратология и др. Но языковая картина мира как модель человеческого бытия содержит комплекс проблем и нерешенных

вопросов, ждущих заступа исследователя.

Поскольку термин “картина мира” вошел в разные сферы научных знаний, то сочетание “языковая картина мира” и соответствующее терминопонятие обладают чертами универсальности. Заключается эта универсальность в специфике словесного знака – отражать очеловеченный мир в полном объеме, во всей его сложности и многообразии. Поскольку множество вопросов в области языковой картины мира не решено, то актуальность этой сферы знаний не вызывает сомнения.

К числу нерешенных вопросов, требующих детального и более полного исследования, принадлежит проблема отражения культурно-ментальных кодов восточных славян (XI–XVIII вв.) в летописной и иной литературе. Древнерусская текстовая культура, фольклор, лексикография, отражающая лексико-семантические реалии обозначенной эпохи, до сих пор не декодированы в полном объеме: мы имеем всего лишь эпизодично-поверхностное представление об истоках нашей культуры.

Лексическая семантика, семантическая структура слова, узуально-инва-

риативная форма лексической единицы содержат, кроме семантического “фактажа”, значительное количество информации культурологического, этнопсихологического и иного характера. Иначе говоря, геномы культуры переполняют лексико-семантическое пространство языка, имплицитно формируют его глубину и культурно-семантическую изометрию.

Словосочетание “этнокультурный компонент языкового значения”, хотя и стало популярным в современных исследованиях, не обрело четкого и общепринятого толкования и понимания. Его призвание – соединять смыслы, которые появляются вследствие взаимодействия двух аспектов формирования семантической структуры слова – непосредственно лингвистического (семантика) и культурного. Но содержание этого понятия, в силу его композитности, до сих пор является недостаточно очерченным.

По аналогии можно определить проблему лексики и языковой картины мира эпохи Киевской Руси. Многие исследователи считают, что аспект этнокультурных особенностей древнерусского языка давно уже изучен и несовременен, забывая о таком явлении, как культурная память, являющаяся неотъемлемой составляющей слова. Поэтому, исследуя язык на любом этапе его исторического развития, мы обязаны возвращаться в прошлое, так как именно в нем находятся ответы на вопросы, вызывающие трудности в понимании языка на его современном этапе. Слово само по себе есть память. Человек-пользователь может и не осознавать этой специфики и приобщаться к ней интуитивно. Поэтому обращение к указанной теме является актуальным и научно обоснованным.

Наиболее полно и разносторонне национально-культурный компонент слова эксплицируется в языковой картине мира как совокупности знаний человека, полученных им средствами родного языка в процессе освоения

мира. Нельзя не согласиться с мыслью О.А. Корнилова о том, что “любой национальный язык является не только одной из кодовых систем общения и хранения информации, но и неповторимым результатом мыслительно-эмоционального и духовного творчества конкретного этноса, его коллективным органом самопознания собственной культуры на фоне пространственно-временного континуума” [5, 137]. У каждого народа своя история, своя культура, ментальность, оказывающие огромное влияние на национальный язык, а следовательно, и на языковую картину мира.

Е.С. Кубрякова утверждает, что “языковая картина мира... рассматривается как важная составная часть общей концептуальной модели мира в голове человека, т. е. совокупности представлений и знаний человека о мире, интегрированной в некое целое и помогающей человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира” [6, 169]. То есть отношение картины мира и языковой картины мира можно характеризовать как отношение целого к части, как системы и ее структурного компонента.

“Огромный выигрыш человека, обладающего развитым языком, – пишет А.Р. Лурия, – заключается в том, что мир удваивается. С помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые непосредственно не воспринимаются и которые не входят в состав его собственного опыта. Человек имеет двойной мир, в который входит, и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами” [7, 8]. Человеческое мышление осуществляется с помощью мифов – индивидуальных форм восприятия и воссоздания мира с помощью языковых средств. Мифологизация коммуникативной деятельности как раз и обуславливает создание параллельных миров – мира предметов и мира символов.

“Языковая модель картины мира устроена по принципу строения атома и Вселенной, по принципу развития общества и человека, по принципу устройства мира. Язык устроен так, как устроен МИР в целом” [8, 87]. Язык является продуктом общества, а, следовательно, весомые изменения в социуме влекут за собой трансформации в языковой сфере. Иными словами, язык и окружающая действительность, являясь самостоятельными структурированными системами, обуславливают друг друга.

Следует отметить, что языковой картине мира свойственна двойственная природа. С одной стороны, сознание и поведение людей формируют и мир вокруг них, и те условия, в которых они находятся и проживают. С другой стороны, рецепция мира человеком происходит в большинстве случаев с помощью форм его родного языка, его грамматического и семантического строя, что, в свою очередь, тоже детерминирует мыслительные и гносеологические процессы.

Таким образом, “языковая картина мира выполняет две базисные функции: интерпретативную, обеспечивающую видение мира, и регулятивную, служащую ориентиром человека в мире. Помимо базовых, выделяют следующие функции: именованная (предметов, признаков, явлений, процессов, состояний, отношений, ситуаций, событий и т. д.); экспликации результатов категоризации явлений действительности; идентификации явлений мира; ориентации в окружающем мире, социализации, отнесения к определенной культуре, к определенному обществу” [1, 402].

Понятие “языковая картина мира” восходит к идеям В. Гумбольдта о взаимосвязи языка, мышления, “народного духа”, действительности и человека. В 30-е гг. XX века идея В. фон Гумбольдта получила свое дальнейшее развитие в гипотезе лингвистической относительности Сэпира – Уорфа.

В русском языкознании понятие языковой картины мира вошло в разработку в связи с тезаурусным изучением лексики (работы Ю.Н. Караулова). Данной проблемой занимались Г.А. Брутян, Д. Хаймс, С.А. Васильев, Н.И. Суколенко, Г.В. Колшанский, М. Блэк. В наши дни языковая картина мира является объектом научного исследования в трудах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, В.В. Морковкина, Ю.С. Степанова, В.Н. Телии, Н.В. Слухай, Ж.П. Соколовской, Н.Ф. Алефиренко и др.

Бесспорно, что каждый естественный язык этноса имеет особую картину мира, отличающуюся от картины мира другого языка, тем самым обеспечивая свою специфику и оригинальность. Такое различие языковых картин мира обусловлено многими факторами, среди которых: сам строй языковой системы (фонетический, лексический, морфологический и синтаксический уровни) и многие внеязыковые условия – исторические, географические, политические и другие. Например, однокоренные и этимологически родственные слова русского и украинского языков – “уродливый” и “вродливий” – обозначают совершенно разные признаки, а это обусловлено спецификой русской и украинской картин мира.

Таким образом, языковая картина мира – единица когнитивной лингвистики, в которой запечатлены представления человека о мире и его взаимоотношения с миром, отраженные в языке. Языковая картина мира является весомой частью общей, или концептуальной, картины мира. Хранителями языковой картины мира являются человек или группа людей, которые разговаривают на одном языке и считают его родным. То есть языковая картина мира имеет двойственную природу и выполняет две основные функции – интерпретативную и регулятивную. Языковые картины разных этносов, имея общие тенденции, отличаются друг от друга,

что детерминировано как языковыми, так и внеязыковыми обстоятельствами.

Главную роль в создании языковой картины мира, как известно, играет лексико-семантический уровень языка, основной конститутивной единицей которого является слово как носитель лексического значения.

В Киевской Руси слово имело особую семантическую и смысловую нагрузку. Оно было средством общения, познания, передачи информации и т. д. Спецификой древнерусского языка является то, что язык XI–XVII веков, дошедший до нас в форме письменнотекстовой культуры, в значительной мере отражает, с одной стороны, особенность графического слова, специфики книжной традиции и культуры и, с другой стороны, – этнокультурный, ментальный и иной колорит восточных славян. “В древнерусскую эпоху происходило своеобразное “расширение текста”: от отдельного слова-мифа, древнего слова, путем подстановок, замен, изъяснений возникали легенды, сказания, мифы – произведения, которые донесли до потомков смысл древних слов, синкретичных и емких, и вместе с тем создали основу для новых понятий” [4, 290]. Человек Киевской Руси находился в постоянном развитии и совершенствовании, для него открывались все новые и новые вехи мира, которые он должен был назвать. Таким образом, наполнялась и расширялась его картина мира в целом и языковая картина мира как ее составная часть.

В процессе развития культуры, всевозможных ассимиляций, интервенций, культурно-языковых (равно как и демографических, этнокультурных и др.) коллапсов уходили в глубь истории и те этнокультурные и семантические монады, которые ранее формировали все семантическое пространство языка. Таким образом, в глубине веков растворилась уникальная модель бытия с ее традициями, формулами, ценностями, мировоззрением и др. Без учета этих

слагаемых семантической структуры и компонентов культурной модели эпохи мы не поймем эпоху древнерусскую, а также культуру, литературу (в ее изысках, сложностях, уникальности).

Поэтому пересмотр семантических структур слова, предложения, текстов Киевской Руси в контексте коннотаций, ассоциативных норм, аксиологических моделей, мировоззренческих форм, религиозно-теологических слагаемых, возможных коннотативных компонентов и т. д. является актуальным для современной лингвистики, культурологии, истории, этнопсихологии и других сфер знаний. Для более широкой интерпретации слова в контексте восточнославянской языковой и этнокультурной традиции рассмотрим структуру лексических единиц микрополя “жена – женщина” и их реализации в языковой картине мира восточных славян.

Семантическая структура микрополя “жена – женщина” функционирует в русском языке с начальных этапов развития языковой системы, придя в древнерусский язык еще из праславянского. На протяжении своего исторического развития оно изменялось, трансформировалось и эволюционировало, главным образом вследствие этнокультурных и исторических процессов. Кроме лексем (номинативных единиц) “жена”, “женщина”, в это микрополе входят понятия “дружина” (осталось функционировать в значении “жена” в украинском языке – укр. “дружина”), “супруга” и “мать”.

В “Словаре церковно-славянского и русского языка” лексема “жена” трактуется как: “1) Церк. женщина; 2) Замужняя женщина” [13, т. 1, 403]. В отличие от предыдущего источника, в “Полном церковнославянском словаре” мы встречаем такое толкование слова “жена”: 1) супруга; 2) женщина вообще; 3) мать [3, 181]. Еще в Евангельских текстах зафиксировано обращение к матери с помощью лексемы “жена”: “... Го-

ворит Матери Своей: Жено! Се сын Твой!” (Ин. 19: 26–27). Такое обращение вполне обоснованно и уходит своими корнями еще во времена санскрита (жан – рождать, жани – мать).

В труде И.И. Срезневского “Материалы для словаря древне-русского языка...” уже потеряно толкование слова “жена” как “мать”: “Жена – 1) femina, mulier (женщина); 2) ихог (жена, супруга)” [15, т. 1, 440]. Аналогично эта лексема подается в “Словаре русского языка XI–XVII веков”: “Жена – 1) женщина. 2) Жена, супруга” [12, вып. 5, 87]. “Словарь Академии Российской” дает более распространенное толкование слова “жена”: “Жена – 1) то же, что женщина, но употребляется въ высоком слоѣ; 2) Особенна изъ женскаго полу называется такъ каждая по отношению къ мужу, за комъ въ супружествѣ находится: иначе: супруга” [11, т. I, 616]. Таким образом, сема ‘мать’ фактически исчезает из лексического значения слова “жена”, но, говоря о культурной памяти слова, можно утверждать, что оттенок, имеющий значение “материнство”, “рождение детей”, “продолжение рода”, употребляется в языке и донныне. В данной словарной статье содержится информация об ограниченном употреблении слова “жена” в значении “женщина”. В “Повести временных лет” встречаем: “И бѣ несыть блуда, приводя к собѣ мужьски жены и дѣвицѣ растымя” [9, 19]. Как видим, в этом контексте слово “жена” употребляется в значении “женщина вообще”.

Чаще всего в “Повести временных лет” слово “жена” встречается в значении “замужняя женщина по отношению к мужу”, например: “... имяху не по двѣ и про три жены...” [9, 7], “И посла ко Рогъволоду Полотьску, глаголя: «хочю пояти дщерь твою собѣ женѣ»” [9, 17]. “Володимеръ же залеже жену братьню грекиню, и бѣ непраздна, отъ нея родися Святополкъ” [9, 18].

Если же сравнить семантическую структуру слов “жена” и “женщина”, то

увидим, что в первом случае сохраняется оттенок материнства и замужества, а во втором имеется ввиду просто “особь женского пола”. Иными словами, не каждая женщина может быть женой, матерью, но каждая жена – женщина. То есть “женщина” является гиперонимом по отношению к формам “жена”, “мать”. Скорее всего, такое явление объясняется национально-культурной спецификой древнерусского человека, менталитетом и т. п.

Во многих словарях и текстах лексема “жена” находится в одном семантическом ряду со словом “супруга”. На этимологию и этнокультурную особенность этой лексемы следует обратить особое внимание. “Словарь церковнославянского и русского языка” так толкует лексему “супруга”: “Супруга – женщина, соединенная бракомъ съ мужемъ” [13, т. 4, 250]. Следующая словарная статья посвящена слову “супругъ”, которое, в свою очередь, имеет значение: “1) Соединенный бракомъ съ женою. 2) Пара каких либо животных” [13, т. 4, 250]. Эти слова являются однородными, что позволяет провести параллель между их лексическими значениями. Наиболее полное и объёмное толкование лексем “супруга” и “супругъ” встречается в “Материалах для словаря древне-русского языка...” И.И. Срезневского: “Супруга – 1) пара, чета – мужь и жена; 2) жена, супруга” [13, т. 3, 315], “Супругъ – 1) пара, вмѣстѣ запрягаемая; 2) колесница, запряженная парой; 3) чета, пара; 4) супружеская чета, мужь жена; 5) мужь, супругъ; 6) супружество; 7) сотоварищъ; 8) сопутникъ; 9) союзъ” [15, т. 3, 315–316].

В “Словаре Академии Российской” трактовка лексем “супруга”, “супруг” уже значительно сужена: “1) мужь; жена; тотъ или та, кои соединены бракомъ, брачными узами; 2) пара, чета какихъ либо животныхъ” [11, т. 4, 580]. В словаре В.И. Даля находим: “Супругъ, супруга – сопряженный бра-

комъ, мужъ и жена, повѣнчанная чета” [2, т. 4, 322]. Здесь В.И. Даль делает весьма интересное примечание: “Супругъ и супруга почему-то почитается болѣе вѣжливымъ, чѣмъ мужъ и жена” [там же]. И продолжает: “спряжка, чета, пара ярмо”, приводя пример: “Супругъ воловъ” [2, т. 4, 322]. Таким образом просматривается наложение значений: супруг и супруга сравниваются с волами, запряженными в повозку. Именно поэтому супруги почитаются больше, чем обычные муж и жена, поскольку брак – это нелегкий каждодневный труд. Как супруга, так и супруг везут одну телегу, то есть идут одним путем в жизни, к одной цели, что является весьма важным этнокультурным компонентом. Такое метафорическое перенесение свойств животных на человека – исконная черта восточнославянской культуры, которой свойственны антропо- и зооцентризм.

Лексемы “жена” и “супруга”, почти не отличаясь в своем толковании на современном этапе развития языка, имеют значительные расхождения, что имплицитно заложено в культурной памяти слова. И если не каждая женщина может быть женой, то и не каждая жена является супругой.

В современном украинском языке, в отличие от русского, сохранилась лексема “дружина”, соответствующая русскому слову “жена”. В “Повести временных лет” слово “дружина” встречается очень часто: “Игорь же, дошедъ Дуная, созва дружину, и нача думати и повѣда имъ рѣчь цареву” [9, 10], “Бѣ бо Володимерь любя дружину и с ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и о уставѣ земленѣмъ” [9, 20] и т. д. Таким образом, понятие “дружина” имело несколько значений.

В “Полном церковнославянском словаре” Г. Дьяченко лексема “дружина” трактуется как “спутники, товарищи въ дорогѣ, единоплеменники... соборъ лицъ, сопричастных подвигамъ или мученіям извѣстнаго святого” [3,

155]. Это определение является неполным и односторонним, так как автор сделал акцент на религиозной стороне дефиниции. Более полное определение лексемы “дружина” дал И.И. Срезневский: “Дружина – 1) товарищи, спутники; 2) община; 3) ближайшіе люди къ князю въ древней Руси, княжеский совѣтъ и княжеское постоянное войско; 4) войско вообще. Дружина – товарищъ” [15, т. 1, 376–377]. Стоит не соглашаться с трактовкой слова “дружина” (в значении “товарищ”) как омонима, ведь эти слова являются однокоренными и имеют общую сему, что позволяет поставить их в синонимический ряд.

Подтверждением этого является толкование лексемы “дружина” в “Словаре русского языка XI–XVII веков”: “Дружина – 1. Товарищи, спутники. 2. Военный отряд, войско. 3. Ближайшие к князю люди, княжеский совет и княжеское войско. 4. Община. 5. Товарищ, товарка” [12, вып. 4, 363].

В “Словнику староукраїнської мови XIV–XV ст.” лексему “дружина” трактуют как: “1) Товариство; 2) збройний загін” [14, т. 1, 327]. Хотя в украинском языке этого периода уже отсутствует толкование слова “дружина” в значении “войско”, употребление его в значении “жена” все еще не встречается.

Только в XVIII веке сталкиваемся с толкованием слова “дружина” в значении “жена”: “Дружина – 1) Товарищество, общество изъ нѣкотораго числа человекъ состоящее. 2) Выборные воины, сопровождающіе Государя во всѣхъ походахъ, составляющіе довѣренныхъ, приближенныхъ. 3) Супруга, жена” [11, т. 2, 449]. В “Повести временных лет” слово “дружина” употребляется в значении воинов, приближенных к князю, княжеской рати, войска. С XVIII века слово “дружина” начинает употребляться в значении “жена”. Это метафорическое перенесение свойства множественного на единичное (войско → человек; мужество, героизм, защита в ратных

делах → мужество, героизм, защита в семейных делах). Можно предположить, что употребление слова “дружина” в значении “жена” связано с изменениями в статусе женщин в XVIII веке, когда жена, мать, супруга “вышли из своей избы”, что является весьма важной этнокультурной особенностью.

Во всех значениях слова “дружина” можно выделить общую сему – ‘доверенность’, ‘приближенность’. Можно состоять в браке с человеком, будучи его женой (укр. “жінкою”), но при этом не будучи его дружиной, так как муж может не посвящать жену в свои дела, не доверяя ей и тем самым не приближая ее к себе. Как и дружина в Киевской Руси была приближенной к князю, так и семантическое поле украинского слова “дружина” имеет такое же значение, только в супружеской жизни. Также слово “дружина” связано со словом “друг”, что позволяет говорить о наличии не только любви и интимных связей в отношениях мужа и жены.

Таким образом, языковая картина мира представляет собой систему восприятия действительности на уровне как одного человека, так и всей нации – носителей того или иного языка. Это понятие имеет “выход” на геополитические, исторические, этнопсихологические составляющие, находящиеся вне лингвистического изучения. Поэтому проблемы изучения языковой картины мира не ограничиваются только лингвальным аспектом, а соотносятся с культурой, духовностью, историей, психологией, менталитетом и другими факторами. Восточнославянской языковой картине мира свойственны гуманизм и антропоцентризм, в ее центре всегда находится человек как высшая ценность – это особенность всей восточнославянской культуры.

После рассмотрения семантического поля “жена – женщина” в древнерусской языковой картине мира можно сделать вывод, что такое разнообразие значений, которые вмещаются в одно и

то же микрополе и обозначают одних и тех же субъектов, вызвано таким же разнообразием жизни восточнославянского человека, этнокультурными, ментальными особенностями построения мысли. Все рассмотренные лексемы обозначают “особь женского пола, которая состоит в связи с мужчиной”. Характер этой связи определяют оттенки значений этих лексем. Дефиниция “жена” содержит главный компонент – “замужество” и “материнство”, но не определяет характер отношений с мужчиной. Лексема “супруга” четко очерчивает характер связи между мужчиной и женщиной, сравнивая их функции в семье с двумя животными, “запряженными в одну упряжку”. То есть супруга – “женщина, которая стоит в одном ряду со своим супругом, они объединены одной целью и выполняют самую трудную работу вместе для достижения поставленной перед собой цели”. Слово “дружина” (в значении “жена”), в отличие от лексемы “супруга”, указывает на односторонний характер отношений между мужчиной и женщиной. Примечателен тот факт, что слово “дружина” единственное не имеет “пары”, эквивалента мужского рода (ср. “жена” – “муж”, “супруга” – “супруг”, “дружина” – ?). Таким образом, “дружина – женщина-воин, та, которой доверяют и посвящают в свои дела”.

Лексемы “женщина”, “жена”, “супруга”, укр. – “дружина” на современном этапе развития языка почти не ограничиваются, апеллируя к одному и тому же понятию. Но интуитивно наша ментальность дифференцирует их, хотя этот процесс затухает, так как в настоящее время разрушены многие институциональные ценности семьи.

В рассмотренных словах отразилась вся жизнь и положение восточнославянских женщин на протяжении многих времен и веков. Изменилась история, возникли кардинально новые условия, в которых живут люди. Незменным осталось только слово, сохраняя в себе ту память, о которой совре-

менные носители языка могут и не догадываться.

1. *Гончарова Н. Н.* Языковая картина мира как объект лингвистического описания / Н. Н. Гончарова // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 396–405.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – С. Пб., 1863–1866.
3. *Дьяченко Г. М.* Полный церковнославянский словарь / Г. М. Дьяченко. – М. : Отчий дом, 2007. – 1159 с.
4. *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – 312 с.
5. *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов : [учеб. пособ.] / О. А. Корнилов. – 3-е изд., испр. – М. : КДУ, 2011. – 350 с.
6. *Кубрякова Е. С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – С. 141–172.
7. *Лурия А. Р.* Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.
8. *Мельник Я. Г.* Субъективность как языковая категория / Я. Г. Мельник. – Ивано-Франковск, 1997. – 128 с.
9. *Повесть временных лет* // Хрестоматия по древней русской литературе / сост. Н. К. Гудзий. – М. : Просвещение, 1973. – С. 4–30.
10. *Селіванова О. О.* Сучасна лінгвістика : Напрями та проблеми : підручник / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2008. – 712 с.
11. *Словарь Академии Российской* : в 6 т. – СПб. : Императорская Академия Наук, 1789.
12. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–28. – М. : Наука, 1975–2008.
13. *Словарь церковно-славянского и русского языка* : в 4 т. – СПб. : Императорская Академия Наук, 1847.
14. *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.* : у 2 т. – К. : Наук. думка, 1977.
15. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Императорская Академия Наук, 1893.